Трунов Ф.О.¹, 2020

Сотрудничество ФРГ с партнерами по ЕС и НАТО в сфере обороны: Северо- и центральноевропейское измерения

Аннотация. При разработке своей внешней политики ФРГ традиционно позиционировала себя как неотъемлемую часть Евро-Атлантического сообщества. К началу 2020-х годов движение Германии к положению полноправного глобального игрока сопровождается ростом числа препятствий на глобальном, региональном и внутреннем уровнях. Для ФРГ на первый план выходит обеспечение более активного и масштабного участия европейских государств – членов НАТО и ЕС в деле общего укрепления военного потенциала. Задача статьи состоит в исследовании динамики и промежуточных результатов прилагаемых ФРГ усилий – как в целом, так и на уровне субрегионов (в Северной и Центральной, а также в Восточной Европе).

Внимание уделено особенностям участия ФРГ в запуске и развитии потенциала Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС, PESCO). Отмечается, что число функциональных проектных комитетов PESCO с участием Берлина превышает количество военно-технических и технологических. Прослеживается уменьшение количества вновь создаваемых по инициативе / с участием ФРГ проектных комитетов с 2019 г.,

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (ttrunov@mail.ru).

что противоречит общей динамике их роста, объясняются причины данного процесса. Выстраивается иерархия значимых государств – партнеров Германии в рамках PESCO, исходя из частотности совпадения участников в проектных комитетах.

Подчеркивается, что значительная часть шагов по совместному укреплению военного потенциала с европейскими странами – участниками НАТО и ЕС предпринимается Германией вне PESCO на двух- и трехсторонней основе. В данной связи рассматривается создание совместных военных группировок с Чехией, Румынией и Литвой. На примере Норвегии (а также PESCO) показывается значимость для ФРГ создания единой военно-логистической сети в Европе и повышения мобильности войск с учетом ограниченности количественных параметров мощи бундесвера к началу 2020-х годов. Определяются контуры и перспективы развития сотрудничества по укреплению военных потенциалов со странами Скандинавии и немецкоязычными Австрией и Швейцарией.

Ключевые слова: Германия, оборонный потенциал, ЕС, Постоянное структурированное сотрудничество, Восточная Европа, Норвегия, Швеция, Австрия, Швейцария.

XXI век, начавшееся третье десятилетие для Германии отмечено последовательным укреплением ее позиций на мировой арене. Из страны, в годы холодной войны строго ограничивавшей применение своего военного потенциала зоной ответственности НАТО в Европе (с целью сдерживания СССР), ФРГ в реалиях постбиполярного миропорядка постепенно двигалась по пути превращения в региональную державу, а с начала 2000-х годов – полноценного глобального игрока. Неотъемлемой частью данного процесса стало существенное географическое расширение границ использования бундесвера – в первую очередь, за счет части Европы вне зоны ответственности НАТО (по состоянию на 1990 г.), а также территорий Африки и Азии. При этом следует выделить две отличительные черты применения бундесвера: его преимущественно небоевой характер и использование воинских контингентов исключительно под эгидой международных профильных организаций и структур с обязательным участием государств – партнеров по Евро-Атлантическому сообществу. Это позволяло Бонну / Берлину сводить к минимуму возможность обвинений в реваншизме с

учетом исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны.

Реализуя данные принципы, ФРГ, с одной стороны, «растворяла» свой военный потенциал в составе совместно комплектуемых с союзниками и партнерами многонациональных группировок войск. С другой стороны, Германия получала легитимную возможность принимать на себя повышенную ответственность в вопросах обеспечения безопасности и обороны на качественно ином, не национальном, а на уровне международных структур, под эгидой которых использовался бундесвер. Всё чаще выступая в роли «рамочной нации», страна тем самым утверждала свое лидерство. Последовательно позиционируя себя органичной частью «коллективного» Запада, руководство ФРГ было традиционно заинтересовано прежде всего в увеличении веса и роли страны именно на уровне евро-атлантической региональной подсистемы.

По сравнению с началом XXI в. во второй половине 2010-х годов число потенциальных препятствий на пути упрочения позиций ФРГ как полновесного глобального игрока существенно возросло на всех уровнях – глобальном, региональном (само Евро-Атлантическое сообщество) и страновом (внутреннем).

В первом случае – на глобальном уровне – это прежде всего начало новой холодной войны между «коллективным» Западом и Россией (и параллельное существенное ухудшение отношений между США и КНР). Создание новых и усиление имеющихся многонациональных группировок НАТО в Европе с участием бундесвера (прежде всего в составе сил передового развертывания, СПР и сил быстрого реагирования, СБР) для сдерживания гипотетической «российской угрозы» потребовало от Германии перенаправления в состав СПР и СБР Альянса значительной части наиболее боеспособных частей и подразделений, ранее задействованных для урегулирования вооруженных конфликтов в нестабильных государствах Азии и Африки. Тем самым уменьшались и без того ограниченные ресурсы, используемые для противодействия угрозам в области безопасности. В числе угроз – укрепление структур международного терроризма и распространение в мире их ячеек и боевиков-одиночек; нерегулируемое массовое перемещение потоков бежен-

цев из зон боевых действий, а также иные риски, производные пространства нестабильности.

Во *втором случае* – на уровне евро-атлантической региональной подсистемы – впервые источниками вызовов оказались англосаксонские державы: Великобритания, которая провела референдум с положительным результатом по вопросу о Брексите (2016) и декларировала его осуществление (2020), и США. Последние при администрации Д. Трампа стали с 2017 г. стремительно переходить от политики лидерства к коммерциализации трансатлантического сотрудничества, особенно в военной сфере. Администрация Д. Трампа настаивает на необходимости увеличения государствами – партнерами по НАТО их вклада в деятельность организации, прежде всего финансового¹, и в плане предоставления дополнительных воинских контингентов. При этом предоставление помощи со стороны самих США, в том числе сохранение их военного присутствия, ставится в зависимость от выполнения таких требований.

В *третьем случае* – на национальном уровне – наблюдается сужение свободы внешнеполитического маневра для действующих элит (прежде всего представителей блока ХДС/ХСС и СДПГ) в условиях неуклонной утраты этими партиями электоральной поддержки в пользу национал-популистских политических сил (прежде всего «Альтернативы для Германии»). Последние критикуют концепцию глубокого интегрирования ФРГ в Евро-Атлантическое сообщество, в том числе «растворения» бундесвера в многонациональных группировках.

Очевидно, что эти проблемы требуют от истеблишмента ФРГ поиска во многом нестандартных решений, но при этом не нарушающих традиционных принципов внешней политики. С учетом изложенного общим знаменателем как минимум большинства усилий, которые прикладывает, готов или может приложить Берлин, является их направленность на укрепление связей ФРГ с европейскими государствами – партнерами по НАТО и ЕС.

¹ На практике это во многом означает лоббирование интересов компаний ВПК США. – Прим. авт.

Среди данных решений во второй половине 2010-х годов наиболее заметным стал запуск PESCO (Permanent Structured Co-operation), или Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС), реактивированного 13 ноября 2017 г. в развитие Лиссабонского договора (2007) и его активная реализация в последующие два года [Permanent Structured..., 2017].

При безусловной значимости – как в собственно военном, так в еще большей степени и в политико-имиджевом измерениях – запуска и развития потенциала PESCO этим отнюдь не исчерпывается совокупность мер ФРГ по укреплению связей с европейскими партнерами. Так, ряд из них (в частности, Норвегия), а также нейтральная Швейцария не присоединились к PESCO, однако это не мешает углублению связей между ними и ФРГ по вопросам строительства и технологического развития вооруженных сил (ВС).

Исторически традиционные тесные связи ФРГ с Францией и Нидерландами демонстрируют уже с 1990-х годов динамичное развитие и охватывают как вопросы военно-технического сотрудничества, так и весьма чувствительную для каждого государства тематику совместного строительства ВС. Каждый из этих двусторонних треков представляет самостоятельную и, главное, большую величину (см., напр.: [Kempin, Kunz, 2017; Сидоров, 2019]), требующую отдельного изучения.

Задача данной статьи – исследование хода и перспектив взаимодействия Германии с государствами-союзниками и партнерами по ЕС и НАТО в сфере наращивания военных потенциалов с акцентом на страны Северной и Центральной Европы. Контуры двух данных стратегических направлений внешней политики ФРГ сформировались уже после окончания холодной войны, т.е. в 1990–2000-е годы, а существенные объемы и динамику эти связи приобрели во второй половине 2010-х годов. Это было связано, по нашему мнению, с появлением новых преград для германского лидерства, обозначенных выше на глобальном, региональном и страновом уровнях. Германскими исследователями данный подход разделяется лишь отчасти. Так, аналитики Фонда науки и политики (Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP) К. Майер и А. фон Восс указывали на существенный рост внешнеполитического внимания ФРГ к стра-

нам Северной Европы как результат возникновения противостояния Евро-Атлантического сообщества и России [Major, von Voss, 2016, S. 2, 8]. При этом следует подчеркнуть, что исторически северо-европейское (особенно скандинавское) и центральноевропейское направления внешней политики германского государства традиционно имели исключительно важное значение, в том числе в военном отношении.

Фокусный временной отрезок данного исследования – 2016–2019 гг., когда отчетливо обозначилась направленность развития военных потенциалов как НАТО (особенно применительно к Европе), так и ЕС. Методом данной статьи выступает ивент-анализ значимых военно-политических шагов ФРГ. Сравнительный анализ использовался при сопоставлении форм сотрудничества ФРГ с различными государствами-партнерами из одного региона. Статья выстроена по проблемно-географическому принципу: после рассмотрения вклада ФРГ в развитие потенциала PESCO (как индикатора динамики участия страны в развитии общего военного потенциала европейских стран – участниц НАТО и ЕС) рассмотрены двусторонние контакты ФРГ со странами Северной и Центральной Европы.

Особенности вклада Германии в наращивание потенциала PESCO

Процесс участия ФРГ в развитии потенциала PESCO, исходя из хода его внутренней институционализации, можно разделить на три этапа (по состоянию на начало 2020-х годов). На *первом* – с декабря 2017 г., когда был декларирован запуск первых 17 проектных комитетов¹, – Германия создала четыре из них (23% от общего числа): по совершенствованию навыков военной медицины, особенно при проведении наземных операций²; по созданию единой системы военно-логистических цепочек на территории европейских го-

¹ Причем каждый из них в тот момент запускался лишь одной страной-участницей, т.е. все они де-юре были однонациональными. – Прим. авт.

² *European Medical Command*.

сударств – членов НАТО и ЕС¹; по повышению эффективности военно-тренировочных миссий под эгидой ЕС²; по повышению уровня боеготовности сил кризисного реагирования под эгидой ЕС³ [Permanent Structured., 2017].

Список учрежденных по инициативе ФРГ проектных комитетов отражал наиболее важные для нее направления развития общего оборонного потенциала европейских стран – участниц НАТО и ЕС. Это, во-первых, повышение эффективности проведения небоевых операций за пределами зоны ответственности НАТО и ЕС (в основном согласно принципам разграничения деятельности двух евро-атлантических институтов, определенных формулой «Берлин +»), где ФРГ могла бы играть активную роль вплоть до «рамочной нации» включительно. В реалиях 2017 г. ФРГ выполняла данные функции в составе военно-тренировочных миссий в Мали (EUTM Mali), Сомали (EUTM Somalia), а также в Афганистане («Resolute Support» под эгидой НАТО). Во-вторых, это создание единой военно-логистической сети внутри ЕС и НАТО, что резко повысило бы возможности переброски войск, в том числе бундесвера, на нужный участок и тем самым облегчило бы выполнение Германией своих обязательств в НАТО и ЕС.

Отметим, что в результате длительных и масштабных сокращений численности личного состава, вооружений и военной техники (ВиВТ) после холодной войны германские войска в середине 2010-х годов достигли количественного «дна». Так, в 1990–2010-е годы число дивизий в сухопутных войсках сократилось с 12 до 3 (включая вновь созданное соединение СБР) [Bundeswehr-Pläne., 2017]. На этом фоне бундесверу стало весьма проблематично решать широкий спектр задач как внутри европейской части зоны ответственности НАТО, так и вне ее. Министерство обороны декларировало поэтапный (рассчитанный как минимум до середины 2030-х годов) процесс увеличения количественных параметров бундесвера [Ibid.], однако к началу 2020-х годов его первые результаты еще не дали о себе знать в сколько-нибудь значительной мере.

¹ *Network of logistic Hubs in Europe and support to operations.*

² *European Union Training Mission Competence Centre, EU TMCC.*

³ *EUFOR Crisis Response Operation Core, EUFOR CROC.*

В ходе *второго* этапа (стартовал двумя фазами 6 марта и 19 ноября 2018 г.) был изменен принцип комплектования проектных комитетов. Все они стали много- (а не моно-) национальными (с 6 марта 2018 г.); существенно (вдвое – с 17 до 34) увеличилось число и спектр их задач (с 19 ноября 2018 г.). Причем это относилось как к функциональным проектным комитетам, т.е. предназначенным для развития общего военного потенциала в конкретных сферах деятельности ВС (в частности, военно-тренировочной, выстраиванию военно-логистических цепочек), так и особенно к технико-технологическим, т.е. направленным на совместное создание и производство новых видов ВиВТ.

Если на первом этапе ФРГ участвовала в работе 4 проектных комитетов, то на втором – уже в 14 (более 40% от их возросшего числа) (см. табл. 1).

Таблица 1

**Основные характеристики участия ФРГ в работе платформы
PESCO к началу 2020-х годов**

Название (дата учреждения как многонационального)	Основная задача	Страны-участницы (помимо ФРГ)	Статус ФРГ в данном комитете
1	2	3	4
European Union Training Mission Competence Centre (EU TMCC) (06.03.2018)	Повышение эффективности военно-тренировочных миссий ЕС	Австрия, Ирландия, Италия, Испания, Люксембург, Нидерланды, – Португалия ¹ , Румыния, Франция, Чехия, Швеция ²	«Рамочная нация»
Integrated European Joint Training and Simulation Centre (EUROSIM) (12.11.2019)	Создание единого центра по повышению эффективности военно-тренировочных миссий	Венгрия, Словения, Польша, Франция	Государство-участник («рамочная нация» – Венгрия)

¹ Курсивом выделены изменения в ноябре 2019 г. по сравнению с ноябрем 2018 г.: новые комитеты, а внутри имеющихся – присоединившиеся (+) и вышедшие (–) страны-участницы. – Прим. авт.

² Здесь и далее даны в алфавитном порядке. – Прим. авт.

1	2	3	4
EUFOR Crisis Response Operation Core (EUFOR CROC) (06.03.2018)	Повышение уровня боеготовности сил кризисного реагирования ЕС	Кипр, Испания, Италия, Франция	«Рамочная нация»
Integrated Unmanned Ground System (UGS) (19.11.2018)	Разработка наземной робототехники	Бельгия, Венгрия, Испания, Латвия, Нидерланды, Польша, Финляндия, Франция, Чехия, Эстония	Государство-участник («рамочная нация» – Эстония)
European Medium Altitude Long Endurance Remotely Piloted Aircraft Systems – MALE RPAS (Eurodrone) (19.11.2018)	Разработка средневысотных БПЛА	Испания, Италия, Франция, Чехия	«Рамочная нация»
European Attack Helicopters TIGER Mark III (19.11.2018)	Разработка боевого ударного вертолета	Испания, Франция	Государство-участник («рамочная нация» – Франция)
European Secure Software defined Radio (ESSOR) (06.03.2018)	Разработка Системы защищенной совместимой военной радиосвязи	Бельгия, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Португалия, Финляндия, Франция	Государство-участник («рамочная нация» – Франция)
Strategic Command and Control (C2) System for CSDP Missions and Operations (06.03.2018)	Совершенствование системы стратегического управления	Испания, Италия, + Люксембург, Португалия, Франция	Государство-участник («рамочная нация» – Испания)
Electronic Warfare Capability and Interoperability Programme for Future Joint Intelligence, Surveillance and Reconnaissance (JISR) Cooperation (19.11.2018)	Разработка новых приборов для осуществления разведки и навигации	Чехия	Государство-участник («рамочная нация» – Чехия)

**Сотрудничество ФРГ с партнерами
по ЕС и НАТО в сфере обороны: Северо-
и центральноевропейское измерение**

1	2	3	4
<i>Cyber and Information Domain Coordination Center (CIDCC) (12.11.2019)</i>	Создание одного из узкопрофильных центров по борьбе с киберугрозами	Венгрия, Испания, Нидерланды, Чехия	Государство-участник («рамочная нация» – Чехия)
European Medical Command (06.03.2018)	Совершенствование навыков военной медицины	Бельгия, Испания, Италия, Нидерланды, Румыния, Словакия, Франция, Чехия, Швеция	«Рамочная нация»
Network of logistic Hubs in Europe and support to operations (06.03.2018)	Создание единой системы военно-логистических цепочек	Бельгия, Болгария, Венгрия, Греция, Кипр, Испания, Италия, + <i>Литва</i> , Нидерланды, Польша, Словакия, Словения, Франция, Хорватия	«Рамочная нация»
Military Mobility (06.03.2018)	Повышение мобильности войск	Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Греция, Кипр, Испания, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония	Государство-участник («рамочная нация» – Нидерланды)
Co-basing (19.11.2018)	Совместное базирование войск	Бельгия, Испания, Нидерланды, Франция, Чехия	Государство-участник («рамочная нация» – Франция)
Geospatial, Meteorological and Oceanographic (GeoMETOC) Support Coordination Element (GMSCE) (19.11.2018)	Совершенствование возможностей геопространственной, метеорологической, океанографической военных служб	+ Австрия, Греция, Румыния, + Португалия, Франция	«Рамочная нация»

1	2	3	4
EU Radio Navigation Solution (EURAS) (19.11.2018)	Совершенствование систем навигации	Бельгия, Испания, Италия, + Польша, Франция	Государство-участник («рамочная нация» – Франция)

Составлено автором на основе: [Permanent Structured..., 2018]; [Permanent Structured..., 2019].

Из их числа в десяти комитетах ФРГ выступала как страна-участник, а в шести – как «рамочная нация», т.е. координатор. Соответственно, к четырем запущенным по инициативе ФРГ комитетам добавились еще два с лидирующим германским участием – по разработке средневысотных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и по совершенствованию возможностей геопространственной, метеорологической, океанографической военных служб, что отражало растущий спектр ТВД с различными природно-климатическими условиями (в частности, пустыни и полупустыни Сахеля, горные районы Афганистана), где действовали контингенты бундесвера.

Отметим, что в создании БПЛА (в т.ч. среднегабаритного типа LUNA) и их применении (прежде всего в Афганистане и особенно Мали) в целях организации тактической разведки ФРГ достигла существенных успехов [LUNA über Mali..., 2019].

Из числа проектных комитетов с германским участием на втором этапе восемь были функциональными (где в пяти ФРГ играла роль координатора) и лишь шесть – технико-технологическими (из них лишь один – с участием Германии как «рамочной нации»). Примечательно, что большинство проектов было посвящено созданию робототехники и новых боевых воздушных судов (вертолетов, БПЛА), причем для использования в составе армейской авиации, а не люфтваффе, т.е. наращивания возможностей именно сухопутных войск. Это связано с тем, что именно на наземные части и подразделения бундесвера – ядро контингентов – легла основная нагрузка при осуществлении большинства заграничных миссий¹.

¹ Из числа значимых исключения составляли лишь военно-воздушные операции НАТО на Балканах 1995 и 1999 гг., миссии UNIFIL в Ливане (ООН, с 2006 г.) и ATALANTA в Аденском заливе (ЕС, с 2008 г.). – Прим. авт.

Та же ситуация складывается при реализации растущих обязательств ФРГ в рамках НАТО, например, при комплектовании «рамочной основы» батальонной тактической группы СПР Альянса в Литве [Bundeswehr führt., 2019], развертывании бригады сверхповышенной боевой готовности на крупнейших учениях «Trident Juncture 18» в Норвегии [Trident Juncture: Ein starkes., 2018]. Соответственно, дальнейшее увеличение мощи именно наземных сил бундесвера является наиболее значимым компонентом его развития как минимум до середины 2030-х годов. Причем подчеркиваются не только количественные (увеличение числа дивизий с 3 до 6), но и качественные характеристики развития сухопутных войск: они должны стать более межвидовыми по своему характеру, т.е. в них должен увеличиться удельный вес де-юре неосновных родов войск – прежде всего пилотируемой и беспилотной армейской авиации [Bundeswehr-Pläne., 2017]. Это, как показал опыт Мали, существенно увеличивает возможности имеющихся БТГ сухопутных войск (см.: [LUNA über Mali., 2019]).

На *третьем* этапе (с 12 ноября 2019 г.) число проектных комитетов увеличилось до 47, из них с германским участием – лишь с 14 до 16 (около 35% от возросшего общего числа). В двух новых случаях ФРГ выступила лишь рядовым участником, а не координатором, причем оба проектных комитета были функциональными. Можно утверждать, что в ходе первого и второго этапов развития PESCO ФРГ в значительной мере исчерпала набор тех тематик проектных комитетов, в учреждении которых она была наиболее заинтересована.

Наряду с Францией ФРГ была одним из основных «лоббистов» создания PESCO. По мере развития PESCO по траектории, заданной при ведущем участии германо-французского тандема, она стала «разветвляться» (в т.ч. за счет создания новых проектных комитетов, близких по задачам к уже созданным, т.е. с частичным дублированием). Ряд из них (например, в области повышения боеспособности сил кризисного реагирования и военной медицины) создавался без участия ФРГ. На этом фоне интерес Германии к таким проектным комитетам-«отросткам» был ниже, чем к «первоначальным» (рассматриваемым как осевые). При этом «разветвление»

PESCO (даже с учетом частичного дублирования) содержало для ФРГ в целом больше преимуществ, чем недостатков: в итоге развитие PESCO обеспечивало рост (к началу 2020-х годов в основном потенциальный, т.е. по сути отложенный) совокупного оборонного потенциала европейских стран – участниц ЕС и НАТО, что отвечало стратегическим интересам Берлина.

С общеполитической точки зрения «разветвление» PESCO как признак ее дееспособности был особенно важен в условиях критического отношения к PESCO со стороны Великобритании (в т.ч. с учетом затягивания и усложнения переговоров по Брекзиту) и известных своей традиционной ориентированностью на нее Дании и Мальты (из числа стран – членов ЕС), а также давления администрации Д. Трампа на ФРГ и ее партнеров по ЕС.

Один из двух новых проектных комитетов, возникших с участием Берлина на третьем этапе, был направлен на увеличение возможностей в области киберобороны. Вкупе с участием ФРГ в создании защищенной от киберугроз военной радиосвязи и разработке технически более совершенных (в т.ч., опять в смысле защиты от кибератак) средств навигации и ведения разведки. Последнее было для бундесвера важным с целью достижения технико-технологической самодостаточности. Задача создания собственных надежных средств связи и навигации (с германским участием в разработке и производстве) как минимум для военнослужащих ударных частей – войск кризисного и войск быстрого реагирования – была четко обозначена еще в 2003 г. (!) тогдашним министром обороны ФРГ П. Штруком. Именно при нем была разработана амбициозная программа резкого увеличения численности войск (до 105 тыс. при общем количестве германских военнослужащих в 252 тыс.), способных оперативно развернуться и успешно действовать в любой точке земного шара [Verteidigungspolitische Richtlinien., 2003, S. 2–4, 20–24].

В ходе реализации данных планов существенно укреплялись позиции ФРГ на всех уровнях – как евро-атлантической региональной подсистемы, так и глобальном уровне – в качестве параллельного США центра притяжения среди стран «коллективного» Запада. Существенно отставая по темпам и промежуточным ре-

зультатам, определенным в документах военного планирования (2003), Германия продолжала двигаться заданным курсом на создание самостоятельных в технологическом плане отборных войск. Это отчетливо продемонстрировала ее политика на втором и третьем этапах развития PESCO (см. табл. 1).

Второй новый проектный комитет, созданный в ноябре 2019 г., имел целью дальнейшее повышение эффективности военно-тренировочных миссий (посредством увеличения степени институционализации процесса). Столь повышенный интерес к данному аспекту увеличения общего военного потенциала объяснялся рядом соображений. Не будучи чрезмерно затратными с точки зрения использования финансовых и особенно людских ресурсов, эти военные инструменты позволяли обеспечить органичное долгосрочное включение ФРГ (вкуче с партнерами) в систему подготовки войск, планирования боевой и учебной деятельности ВС государств развертывания в условиях постконфликтного развития. Тем самым Германия получала возможность встраивания в военные структуры данных стран в качестве значимого внешнего игрока, создавая благоприятные условия для долгосрочного военного, а также экономического и общеполитического присутствия в них.

Среди особенностей взаимодействия Берлина с остальными участниками PESCO можно выделить следующие. Исходя из конфигурации сотрудничества в рамках проектных комитетов к началу 2020-х годов отчетливо выделилась группа ключевых партнеров ФРГ (см. табл. 2.1). Половину ее составляли западноевропейские государства, известные тесными и разветвленными контактами с Германией в области обороны (особенно Франция и Нидерланды). Примечательно нахождение в этой группе двух южноевропейских государств – Испании (на 2-м месте) и Италии (на 3-й позиции).

Этот факт определяется, во-первых, активной и в целом стабильной ролью ФРГ как модернизатора парков ВиВТ ВС данных стран. Во-вторых, их исключительной заинтересованностью в расширении объемов общеполитического и военного сотрудничества с Германией в деле сдерживания многочисленных рисков нестабильности, проецируемых на территорию стран Южной Европы из Ливии, Мали (и в целом региона Сахеля), Сомали, отдельных зон

сирийского и иракского конфликтов. Показательно также, что Испания активно сотрудничает с Германией (и Францией) в деле модернизации ударного боевого вертолета (см. табл. 1).

Таблица 2.1

Рейтинг ключевых государств – партнеров ФРГ в рамках платформы PESCO (по состоянию на ноябрь 2019 г.)

Позиция	Страна	Количество проектных комитетов с совместным с ФРГ участием	В т.ч. функциональных	В т.ч. технологических	Количество комитетов с участием ФРГ, где эта страна – «рамочная нация»
1	Франция	14	9	5	4
2	Испания	13	8	5	1
3	Италия	9	6	3	0
4–5	Чехия	8	5	3	2
	Нидерланды	8	6	2	1
6	Бельгия	7	4	3	0

Рассчитано и составлено автором на основе: [Permanent Structured..., 2019].

Таблица 2.2

Характеристики взаимодействия ФРГ с рядом государств-партнеров в рамках платформы PESCO: институциональный срез (по состоянию на ноябрь 2019 г.)

Количество проектных комитетов с совместным с ФРГ участием	Страны
5	Венгрия, Польша
4	Кипр, Португалия, Румыния
3	Австрия, Греция, Люксембург, Словакия, Финляндия, Швеция
2	Болгария, Латвия, Литва, Словения, Хорватия, Эстония
1	Ирландия

Рассчитано и составлено автором на основе: [Permanent Structured..., 2019].

Обращает на себя внимание, что в случае всех (кроме Бельгии) ключевых партнеров в рамках PESCO наблюдается заметный перевес числа функциональных проектных комитетов над техническими и технологическими. Это иллюстрирует роль Германии как «локомотива» в решении политико-военных и военно-организационных вопросов увеличения общего оборонного потенциала стран – участниц ЕС, которую отводят ФРГ ее партнеры по объединению. При этом их заинтересованность в собственно военно-техническом сотрудничестве с этой страной именно под эгидой PESCO меньше. Выделим две основные причины такого положения. Первая – технологическое превосходство промышленности Германии (уже переходящей к укладу «Индустрия 4.0») над промышленностью ряда стран-участниц, особенно из числа новых, т.е. вступивших в ЕС в 2004 г. Вторая – это активное «традиционное» развитие военно-технических контактов на двусторонней основе – прежде всего в виде экспорта военной продукции ФРГ. С нашей точки зрения, ограниченное участие Германии именно в технологических проектных комитетах PESCO (в отличие от функциональных) обусловлено в том числе нежеланием создавать у партнеров иллюзии, что развитие кооперации в данном направлении станет заменой двусторонней торговли ВиБТ. Иными словами, Берлин будет стремиться избежать того опосредованного ущерба экспорту компаний ФРГ, производящих военную продукцию, который мог быть нанесен в случае разработки новой ВиБТ на базе PESCO.

Особенности сотрудничества со странами Восточной Европы и Балтии

Попадание Чехии в топ-6 государств – партнеров ФРГ в рамках PESCO далеко не случайно, как и совместное с Румынией членство в четырех проектных комитетах. Применительно к оборонной сфере двусторонние контакты ФРГ именно с двумя этими странами (в случае Бухареста – особенно после избрания (2014) и переизбрания (2019) президентом К. Йоханниса) демонстрируют наиболее позитивную динамику из числа стран Восточной Европы (без учета стран Балтии). Так, 15 февраля 2017 г. представителями обо-

ронных ведомств Германии, Румынии и Чехии было подписано соглашение о военном сотрудничестве. Это предусматривало направление постоянных миссий связи в штабы войск партнеров, интенсификацию совместных учений с перспективой интеграции, т.е. движения по пути создания двусторонних группировок войск. Согласно документу, одну из них должны были начать формировать 4-я бригада быстрого развертывания армии Чехии (наиболее боеспособное соединение войск республики) и части 10-й танковой дивизии бундесвера (с постоянными местами дислокации в южных землях ФРГ). Другую группировку должны были образовывать войска 81-й механизированной бригады армии Румынии (также отборное соединение) и дивизии СБР бундесвера [Inspekteur des Heeres., 2017]. Этот документ создавал юридическую основу под выстраивание ФРГ единой военно-логистической системы с Чехией и Румынией и синхронизации усилий по повышению мобильности ударных войск, т.е. двух основных направлений деятельности Германии в рамках PESCO.

В случае Венгрии и Польши кооперация с ФРГ имела существенно меньшие объемы, что являлось отражением наличия массы проблем, в том числе латентных, в отношениях с Германией. С одной стороны, Варшава декларировала заинтересованность в разработке общеевропейского основного боевого танка (ОБТ) с переоснащением им Войска польского [Kimla, Walsh, 2017, p. 2-3]. С другой стороны, горизонт этих планов хронологически весьма широк (до 2050 г.) [Ibid.], при этом официальная Варшава не инициировала создание соответствующего проектного комитета на базе PESCO. Более того, хотя Польша и присоединилась к работе PESCO (после демонстративных колебаний), она к началу 2020-х годов не выступила инициатором создания ни одного проектного комитета, в отличие от Венгрии, Болгарии, Румынии, Литвы и Чехии [Permanent Structured., 2019]. Иллюстрацией состояния германо-польского сотрудничества в оборонной сфере может служить следующий факт. Хотя оба государства являлись с 1999 г. странами – учредителями трехстороннего (с участием Дании) штаба корпуса «Северо-Восток» (с 2016 г. ставшего основой для формирования одноименного органа управления уже на уровне СПР НАТО с дисло-

кацией в Варшаве), Польша ни разу не проявила заинтересованности в размещении контингента бундесвера на своей территории. При этом Польша постоянно подчеркивала потребность в наращивании военного присутствия США (а также Великобритании). В свою очередь, военный вклад ФРГ в проведение масштабных (31 тыс. военнослужащих) учений «Anakonda 2016» с основным районом проведения в западных воеводствах Польши был близок к символическому (саперный батальон) (см.: [Mecklin, 2016]). Это отражало заинтересованность ФРГ в выстраивании единой военнo-логистической системы на территории европейских государств – членов НАТО и ЕС.

Применительно ко второй половине 2010-х годов особо следует подчеркнуть значение германо-литовского сотрудничества в области совместного развития военных потенциалов, придающего импульс контактам ФРГ со странами Балтии в целом. Во исполнение решений Варшавского саммита (2016) с января 2017 г. Германия взяла на себя роль «рамочной нации» в комплектовании «тяжелой» БТГ СПР НАТО в Литве (с дислокацией в районе г. Рукла). Здесь де-факто была создана многонациональная группировка, основу которой помимо подразделений бундесвера составили части отборной литовской бригады «Железный волк» [Iron Wolf., 2019]. Такая интеграция ВС двух стран привела к активизации военно-технического сотрудничества: в 2017 г. военный экспорт ФРГ в Литву достиг 492 млн евро (!) – германская сторона поставила большую партию поддержанной наземной тяжелой техники [Bericht., 2018, S. 79, 81].

Несмотря на небольшое количество (по три совпадающих участия в проектных комитетах), весьма значим фактор координации усилий ФРГ в рамках PESCO с условно нейтральными северо- (Швеция и Финляндия) и центральноевропейскими (Австрия) странами.

Германо-скандинавское сотрудничество в области наращивания военных потенциалов

Из числа североевропейских стран ключевыми партнерами ФРГ в области совместного развития оборонных возможностей яв-

ляются Норвегия и Швеция: Исландия де-юре не располагает военными ресурсами; Дания традиционно ориентирована на англосаксонские державы (что в перспективе может быть частично скорректировано из-за возникновения «гренландской проблемы» вследствие линии администрации Д. Трампа); Финляндия же «замыкается» в военно-политической сфере на Стокгольм.

Если в годы холодной войны на территории Норвегии (в отличие от Италии, Турции и особенно ФРГ) не располагались союзнические контингенты стран – участниц НАТО, то в условиях нового противостояния «коллективного» Запада и РФ это положение качественно изменилось: королевство стало получать военную помощь со стороны партнеров по Альянсу. Это обусловлено не только и не столько ограниченными возможностями ВС Норвегии (особенно в количественном отношении), но и существенным возрастанием удельного веса северного фланга Североатлантического альянса в его боевом планировании и деятельности. Если США (как и в случае восточноевропейских стран) пошли на развертывание на ротационной основе своих сил¹ [Мэттис поблагодарил..., 2018], то ФРГ следовала иным путем: а) отработала на практике быструю переброску межвидовой группировки бундесвера в Норвегию из самой Германии; это позволило ФРГ избежать ротационного (и тем более постоянного²) присутствия своих сил на территории королевства, невыгодного в условиях недостатка собственных ударных частей для решения растущего спектра задач, и снимало фактор дополнительного раздражения в отношениях с РФ; б) продвинулась по пути создания совместных (двунациональных) военных группировок.

Не будучи членом ЕС, Норвегия не присоединилась к программам PESCO. Соответственно, Берлин стал обеспечивать ее

¹ В губернии Финнмарк были размещены части Корпуса морской пехоты, увеличенные в 2015–2017 гг. с двух рот до неполной БТГ. – Прим. авт.

² Ротационное военное присутствие подразумевает регулярную полную смену подразделений и частей, образующих группировки в строго очерченном районе. Обычно частота ротации – раз в шесть месяцев. Постоянное военное присутствие означает сохранение в составе группировок одних и тех же воинских подразделений и частей. – Прим. авт.

полноценное встраивание в единую военно-логистическую цепочку под эгидой НАТО, опираясь как на взаимную заинтересованность двух государств, так и на значительное по объему и свободное от серьезных «раздражителей» сотрудничество в политико-военной области в целом. Схема переброски германских войск была отработана в ходе подготовки учений «Trident Juncture 18» в Норвегии (активная фаза с 25 октября по 7 ноября 2018 г.), крупнейших (50 тыс. военнослужащих) со времени окончания холодной войны [Special Report., 2018]. Учения проводились именно на северном фланге НАТО. Германский контингент перебрасывался комбинированным путем: на паромках (следуя до них и после высадки по железным дорогам), транспортно-десантными кораблями (привлекалось 13 ед.) и военно-транспортной авиацией (ВТА) (50 машин). В подготовке перевозок (не позднее августа), были задействованы два логистических батальона¹ (номера: 161-й и 171-й) и даже ставился вопрос о временной передислокации на территорию королевства центрального логистического управления бундесвера [Trident Juncture 2018., 2018]. Таким образом, Германия продемонстрировала техническую возможность развертывания на территории Норвегии крупной межвидовой группировки: в данном случае ее численность составила до 8,8 тыс. военнослужащих (5% от списочной численности бундесвера (!)). Более половины ее численности приходилось на 41-ю мотопехотную бригаду «Передняя Померания» 1-й танковой дивизии. Она составила «рамочную основу» бригады сверхповышенной боевой готовности СБР НАТО – «острия копья» контрударной группировки в ходе учений [Trident Juncture: Ein starkes., 2018]. Действуя в составе крупной группировки войск НАТО, германские военные (в тесном взаимодействии с норвежскими) отработали приемы ведения высокоманевренных боевых действий в условиях горной местности, т.е. нарабатывали значительный опыт повышения мобильности войск – одним из основных направлений деятельности ФРГ в рамках PESCO.

¹ Название «логистический батальон» (т.е. военно-транспортный) официально используется в бундесвере. – Прим. авт.

Параллельно появилась возможность создания военных механизмов совместного комплектования – прежде всего германо-норвежской группировки (уровня бригады) дизельных подводных лодок (ДПЛ). В случае реализации она станет первым многонациональным соединением ПЛ, созданным странами – участницами НАТО, до этого подобные соединения состояли лишь из надводных кораблей. В 2019 г. в прибрежных водах Норвегии длительное время осуществляла маневрирование германская ДПЛ проекта «212 А» с бортовым номером «U36», демонстрируя свои тактико-технические характеристики (в т.ч. крайне низкий уровень шумности). Правительство Норвегии декларировало заинтересованность в закупке серии из четырех ДПЛ типа «212 А» [Deutsch-norwegische Kooperation., 2019]. По состоянию на середину 2010-х годов Осло не имел конкретных планов по развитию своего подводного флота (в отличие от других родов и видов ВС) (см.: [Norwegian Armed Forces., 2015, p. 15, 23]). Закупка германских ДПЛ тесно связана с их использованием в совместной военно-тренировочной деятельности с оснащенной ДПЛ этого же типа 1-й подводной эскадрой бундесвера [Deutsch-norwegische Kooperation., 2019]. Процессы военно-технического сотрудничества и интегрирования ВС (что уже имеет место по линии СБР и СПР в отношении наземных войск и ССО [Bundeswehr führt., 2019]) Германии и Норвегии в области развития подводных флотов могут к середине 2020-х годов привести к созданию двустороннего соединения ПЛ.

Возрастание интереса Осло к закупкам германских ВиВТ, по нашему мнению, является следствием усилий ФРГ по встраиванию Норвегии в единую военно-логистическую систему европейских государств – членов НАТО и ЕС. Ее создание де-факто означает демонстрацию гарантий со стороны Германии по предоставлению военной помощи тем государствам-партнерам, которые участвуют в создании этой системы. В свою очередь, конкретный объем этой помощи будет определяться складывающейся обстановкой, а также уровнем и масштабами общеполитического, экономического и военного сотрудничества с теми или иными ее получателями.

Планы Осло должны придать мощный импульс торговле ВиВТ – германский экспорт в Норвегию в 2010-е годы демонстри-

ровал отрицательную динамику, в отличие от военных поставок в Швецию (см. табл. 3).

Таблица 3

**Динамика военного экспорта Германии в Норвегию и Швецию
на современном этапе**

Годы	Норвегия		Швеция	
	объем (число сделок)	место страны в топ-20 импортеров ВиВТ из ФРГ	объем (число сделок)	место страны в топ-20 импортеров ВиВТ из ФРГ
2012	43,8 млн (713)	20-е	73,7 млн (365)	17-е
2013	79,4 млн (624)	–	91,3 млн (398)	18-е
2014	51,9 млн (262)	–	56,9 млн (276)	19-е
2015	57,3 млн (293)	–	145,0 млн (284)	10-е
2016	60,0 млн (242)	–	122,8 млн (274)	11-е
2017	42,0 млн (216)	–	53,7 млн (255)	–
2018	39,7 млн (160)	–	77,7 млн (278)	18-е

Составлено автором на основе: [Bericht., 2013, S. 81, 82, 87, 91; Bericht., 2014, S. 87, 93, 97; Bericht., 2015, S. 89, 95, 98; Bericht., 2016, S. 83, 91, 95; Bericht., 2017, S. 76, 83, 87; Bericht., 2018, S. 83, 87–88; Bericht., 2019, S. 75, 81, 85].

На первый взгляд, данная ситуация кажется парадоксальной. Норвегия, являющаяся членом НАТО (и притом намного меньше сократившая свои ВС в 1990-е – середине 2010-х годов по сравнению с Германией и Швецией), импортировала существенно меньше военной продукции ФРГ, чем условно нейтральное (де-юре внеблоковое) Шведское королевство. Однако именно эта реальная разница в военно-политических статусах и объясняет данную диспропорцию. Будучи интегрирована в НАТО, Норвегия, особенно с учетом растущего к ней интереса со стороны партнеров по блоку – прежде всего США и Германии, – рассчитывает на их активную поддержку (см.: [Norwegian Armed Forces., 2015, p. 15, 23]), а потому обладает средней по уровню мотивацией по обновлению парка своих ВиВТ. В ином положении находится Швеция: будучи внеблоковой, она самостоятельно обеспечивает свою оборону и безопасность, а потому, особенно в условиях вновь возникшего противостояния

«коллективного» Запада и РФ, весьма заинтересована в военно-технических и технологических обменах. Так, в 2015–2016 гг. шведские королевские войска закупили у ФРГ большую партию вертолетов для армейской авиации [Bericht., 2017, S. 76, 83]. Высока вероятность научно-технологической кооперации Германии и Швеции в области разработки и производства БПЛА, учитывая наличие интереса к насыщению ими войск, в частности с учетом малийского опыта (см.: [LUNA über Mali., 2019]). В связи с этим следует обратить внимание не только на активность торгово-экономических связей двух стран, но и на высокий технологический уровень развития промышленности. Переход к укладу «Индустрия 4.0» Германии и Швеция осуществляют не просто параллельно, но во многом синхронно. Показательна в этой связи частота посещения технопарков и научно-технических выставок главами правительств А. Меркель и С. Лёвином (см.: [Pressekonferenz., 2017]).

Перспективы совместного укрепления военных потенциалов в «треугольнике» Германия – Австрия – Швейцария

Принцип повышенной заинтересованности внеблоковых стран в закупках германских ВиВТ подтверждается на примерах условно нейтральных Австрии и Швейцарии, обладающих наиболее полным таковым статусом из числа континентальных европейских стран. Показательно, что объемы двусторонней военной торговли ФРГ со Швейцарской Конфедерацией существенно превышают аналогичные показатели для Вены, что видно из данных табл. 4.

Обе немецкоязычные нейтральные страны закупают в Германии автомобильную (прежде всего грузовую) и бронированную технику, комплектующие к ней, стрелковое и спортивное оружие, а также боеприпасы и патроны [Bericht., 2018, S. 75, 82, 88]. Иными словами, ФРГ выступает внешним модернизатором механизированных и мотопехотных частей ВС Швейцарии (ландмилицейского типа) и Австрии (регулярных войск, а также территориальных командований). Именно эти войска, особенно «тяжелые» бригады, составляют основу ВС обеих стран. В случае Швейцарии показательно непропорционально большое число сделок (от 0,8 тыс. до 2,8 тыс.): военная продукция закупается как значительными, так и

мелкими партиями (вплоть до отдельных единиц) в зависимости от конкретных потребностей подразделений и частей ополченского типа, комплектуемых в зонах с населением, говорящим на немецком, французском, итальянском и ретороманском языках.

Таблица 4

**Динамика военного экспорта Германии в Австрию
и Швейцарию на современном этапе**

Годы	Австрия		Швейцария	
	объем (число сделок)	место страны в топ-20 импортеров ВиВТ из ФРГ	объем (число сделок)	место страны в топ-20 импортеров ВиВТ из ФРГ
2012	25,1 млн (352)	–	149,9 млн (2781)	7-е
2013	87,2 млн (339)	19-е	105,2 млн (2768)	16-е
2014	26,6 млн (322)	–	75,1 млн (880)	17-е
2015	27,3 млн (493)	–	70,4 млн (826)	20-е
2016	86,4 млн (434)	17-е	149,1 млн (852)	10-е
2017	137,0 млн (438)	11-е	134,0 млн (959)	12-е
2018	86,8 млн (472)	14-е	137,4 млн (885)	8-е

Составлено автором на основе: [Bericht., 2013, S. 78, 86, 92; Bericht., 2014, S. 86, 87, 92, 97; Bericht., 2015, S. 88, 93–94, 99; Bericht., 2016, S. 85, 90, 96; Bericht., 2017, S. 75, 77, 82, 88; Bericht., 2018, S. 75, 82, 88; Bericht., 2019, S. 73, 74, 80, 86].

Обращает на себя внимание общая динамика импорта германской военной продукции двумя нейтральными немецкоязычными государствами: определенный спад в 2014–2015 гг. и существенный прирост количественных показателей с 2017–2018 гг. Это обусловлено тем, что в ходе противостояния Запада и РФ как Австрия, так и особенно Швейцария стремились в собственно военном плане дистанцироваться от этого процесса, что и повлекло за собой временное снижение объемов закупок германских ВиВТ. Они восстановились к 2017–2018 гг., когда новая холодная война перешла от первой фазы (во многом хаотической и потому опасной непредсказуемой эскалацией) к более четко очерченной (и даже институционализированной) конфигурации, при которой риск внезапного перехода конфликта в «горячее» состояние существенно снизился.

Соответственно, для нейтральных Австрии и Швейцарии это сделало безопасным возвращение к ранее налаженным формам и объемам военно-технического сотрудничества. Более того, именно в 2017 г. это сотрудничество вышло на качественно новый институциональный уровень. 15 марта впервые была проведена встреча в формате D – A – CH¹ (Германия – Австрия – Швейцария) на уровне министров обороны [Bundesministerin der Verteidigung., 2017]. Следует подчеркнуть, что вопреки германской внешнеполитической практике этот механизм «треугольника» впервые собрался не на уровне глав правительств или министров иностранных дел, а именно руководителей оборонных ведомств, что показывало особое значение военно-политической тематики в углублении их контактов.

На первой встрече (2017) переговорная площадка D – A – CH стала работать на трех уровнях: министерском, высших должностных лиц из числа военных (в случае ФРГ и Австрии это генерал-инспектора) и руководителей структур, ответственных за координацию разработки, производства и продажи (в т.ч. на экспорт) военной продукции [Ibid.]. Соответственно, во-первых, в «треугольнике» D – A – CH закладывался потенциал для наращивания военно-технического и развития полноценного военно-технологического сотрудничества в двух- и трехстороннем формате (с ведущей ролью германских фирм). Во-вторых, одним из вероятных направлений работы в формате D – A – CH может стать подписание сторонами – как минимум ФРГ и Австрией – договора о военном сотрудничестве, т.е. создании интегрированной (прежде всего на штабном уровне) военной группировки. В ее состав, согласно расчетам автора, от бундесвера может войти 23-я горнопехотная бригада, от австрийского бундесхеера – 6-я горнопехотная бригада, а в последующем могут подключиться и швейцарские войска. При этом данная группировка будет выполнять именно оборонительные задачи и являться одним из «столпов» военного сотрудничества стран – участниц «треугольника» D – A – CH.

¹ Это официальная аббревиатура, используемая ФРГ для обозначения данного «треугольника». – Прим. авт.

В 2018–2019 гг. его встречи не проводились прежде всего из-за изменения внутривнутриполитической ситуации в ФРГ (трудности с формированием нового коалиционного правительства на фоне усиления позиций АДГ) и в Австрии (приход к власти правительства С. Курца – лидера правопопулистской Австрийской народной партии, жестко критиковавшей кабинет А. Меркель, в частности, по миграционному вопросу). Однако сам факт запуска формата D – A – CH вкупе с наблюдаемым в 2017–2018 гг. ростом военно-технического сотрудничества показывает потенциал кооперации стран «треугольника». Еще одно подтверждение тому – увеличение присутствия Австрии в проектных комитетах PESCO с германским участием в 2018–2019 гг. (см. табл. 1).

Начиная с 2017–2018 гг. ФРГ существенно интенсифицировала деятельность по совместному усилению военного потенциала европейских стран – участниц НАТО и ЕС. При этом данная стратегическая линия реализовывалась в различных формах и на разных уровнях, как на многонациональном¹, так и на двух- и трехстороннем. Помимо развития военно-технического и технологического сотрудничества (на ряде направлений де-юре в обход PESCO) ФРГ договорилась о военной кооперации с Чехией и Румынией; есть также перспектива заключения соглашения с Австрией и формирования двухнациональных группировок, создания их под эгидой НАТО (сухопутной – с Литвой в рамках СПР). Существует и вероятность учреждения военно-морской группировки с Норвегией.

Совокупность данных мер позволила ФРГ существенно «подтянуть» значительное число государств – партнеров по ЕС и НАТО из числа северо-, восточно- (включая страны Балтии), центрально- и южноевропейских партнеров к уровням взаимодововерия и масштабам сотрудничества, существующим с традиционными союзниками (Франция, Нидерланды) в области совместного усиления военных потенциалов. Тем самым Германия создает фундамент для укрепления своего лидерства, преодолевая вновь возникающие

¹ Прежде всего запуск PESCO и учреждение на его базе ряда весьма значимых проектных комитетов (в частности, по созданию единой военно-логистической сети и повышению мобильности войск). – Прим. авт.

препятствия на этом пути на глобальном, региональном (Евро-Атлантическое сообщество) и страновом уровнях.

Литература

Мэттис поблагодарил Норвегию за готовность разместить у себя 700 морпехов США // ТАСС. – 2018. – 14.07. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5374440> (Дата обращения – 26.03.2020).

Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «Окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 172–186.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2013. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. – 124 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. – 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. – 116 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. – 112 S.

Bundesministerin der Verteidigung Ursula von der Leyen empfängt den Verteidigungsminister der Schweizerischen Eidgenossenschaft Guy Parmelin und den Verteidigungsminister der Republik Österreich Hans Peter Doskozil zu gemeinsamen Gesprächen im D-A-CH-Format auf Ministerienebene // BMVg. – 2017. – 13.03. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/resource/blob/10786/43025704a5a7f379a09c38c5098123ef/13-03-17-ursula-von-der-leyen-empfaengt-die-verteidigungsminister-aus-der-schweiz-und-oesterreich-data.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Bundeswehr führt Nato-Verband in Litauen // Bundeskanzleramt. – 2019. – 14.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeswehr-im-baltikum-1659416> (Date of access – 26.03.2020).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen // Deutscher Bundeswehr Verband. – 2017. – 19.04. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (Date of access – 26.03.2020).

Deutsch-norwegische Kooperation: «U36» läuft aus // BMVg. – 2019. – 24.01. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsch-norwegische-kooperation-u36-89960> (Date of access – 26.03.2020).

Inspekteur des Heeres: Kooperation mit Rumänienvertiefen. Bukarest/Rumänien // BMVg. – 2017. – 03.04.

Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation // BMVg. – 2019. – 01.07. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (Date of access – 26.03.2020).

Kempin R., Kunz B. France, Germany, and the Quest of European strategic autonomy. – Berlin; Paris: Stiftung Wissenschaft und Politik; The Study Committee of French-German relations, 2017. – 34 p.

Kimla D., Walsh J. Fortress Poland? Uncertainty remains as Strategic Defence Review Marks New Era for Weapons, Force Trade-Offs. – Kielce, 2017. – 7 p.

LUNA über Mali: Aufklärung aus der Luft // BMVg. – 2019. – 10.12. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/minusma-bundeswehr-un-einsatz-mali/luna-ueber-mali-aufklaerung-aus-der-luft-162852> (Date of access – 26.03.2020).

Major C., von Voss A. Nordic-Baltic Security, Germany and NATO / SWP Comments. – 2016. – March, N 13. – 8 S.

Mecklin J. NATO countries begin largest war game in eastern Europe since Cold War // The Guardian. – 2016. – 7.06. – Mode of access: <https://thebulletin.org/2016/06/nato-countries-begin-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war/> (Date of access – 26.03.2019).

Norwegian Armed Forces in transition. Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. – Oslo: Ministry of Defence, 2015. – 24 p.

Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects – Overview // Consilium.europa.eu. – 2017. – 11.12. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/32079/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects. – Overview // Consilium.europa.eu. – 2018. – 19.11. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/39664/table-pesco-projects.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects. – Overview // Consilium.europa.eu. – 2019. – 12.11. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Pressekonzferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem schwedischen Ministerpräsidenten Stefan Löfven in Stockholm // Bundeskanzleramt. – 2017. – 31.01. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-schwedischen-ministerpraesidenten-stefan-loefven-844342> (Date of access 26.03.2020).

Special Report: Exercise Trident Juncture 18 // US Navy. – 2018. – 23.10. – Mode of access: <https://navylive.dodlive.mil/2018/10/23/special-report-exercise-trident-juncture-18/> (Date of access – 26.03.2020).

Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung // BMVG. – 2018. – 16.11.

Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen // BMVG. – 2018. – 12.11.

Verteidigungspolitische Richtlinien für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2003. – 31 S.

DOI: 10.31249/ape/2020.04.08

Trunov Ph.O.¹, 2020

German cooperation with the EU and NATO member states in defence strengthening: Northern and Central European dimensions

Abstract. *The key basis of German foreign policy is positioning itself as an integral part of Euro-Atlantic community. At the beginning of the 2020-s Germany faces a growing number of obstacles at the national (internal policy), regional but also global levels on the path to become the supreme world power.*

¹ *Trunov Philipp Olegovich* – Ph.D. in political sciences, senior researcher, Department of Europe and America, INION RAS (1trunov@mail.ru).

That is why the more active and full-scale participation of the European NATO and EU member states in joint strengthening of defense capabilities is coming to the fore. The goal of the article is to explore the dynamics and intermediate results of German efforts in this field. Attention is paid not only to general, but also to sugregional and bilateral links of German cooperation with partners in military sphere.

The article highlights the features of German participation in the launching and development of potential of Permanent Structured Cooperation (PESCO) platform. The paper notes that the number of functional PESCO projects with German participation is more than technical-technological ones. The author faces the fact that the number of new projects initiated by or with the participation of Germany since 2019 has become less than in 2017–2018 but at the same time the general tendency of their development is different.

Outside PESCO Berlin pays permanent attention to the strengthening of defense capabilities on bilateral and trilateral bases.

The cases of Norway and PESCO demonstrate that Germany is interested in the creation of common military-logistic hubs network in Europe and the growing of armed forces` mobility. This is important for Germany, because its armed forces have been reduced since 1990-s until the 2010-s. The prospects of Berlin`s cooperation with Scandinavian states and German-speaking Austria and Switzerland in the military field are also highlighted in the article.

Keywords: *Germany, military potential, the EU, PESCO, Eastern Europe, Norway, Sweden, Austria, Switzerland.*

References

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). (2013). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). (2014). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 124 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). (2015). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). (2016). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). (2017). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). (2018). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 116 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). (2019). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 112 S.

Bundesministerin der Verteidigung Ursula von der Leyen empfängt den Verteidigungsminister der Schweizerischen Eidgenossenschaft Guy Parmelin und den Verteidigungsminister der Republik Österreich Hans Peter Doskozil zu gemeinsamen Gesprächen im D-A-CH-Format auf Ministerebene. (2017) // BMVg. – 13.03. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/resource/blob/10786/43025704a5a7f379a09c38c5098123ef/13-03-17-ursula-von-der-leyen-empfaengt-die-verteidigungsminister-aus-der-schweiz-und-oesterreich-data.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Bundeswehr führt Nato-Verband in Litauen. (2019) // Bundeskanzleramt. – 14.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeswehr-im-baltikum-1659416> (Date of access – 26.03.2020).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. (2017) // Deutscher Bundeswehr Verband. – 2017. – 19.04. – Mode of access: www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (Date of access – 26.03.2020).

Deutsch-norwegische Kooperation: «U36» läuft aus. (2019) // BMVg. – 24.01. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsch-norwegische-kooperation-u36-89960> (Date of access – 26.03.2020).

Inspekteur des Heeres: Kooperation mit Rumänien vertiefen. Bukarest/Rumänien. (2017) // BMVg. – 03.04.

Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. (2019) // BMVg. – 01.07. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (Date of access – 26.03.2020).

Kempin R., Kunz B. (2017). France, Germany, and the Quest of European strategic autonomy. – Berlin, Paris: Stiftung Wissenschaft und Politik; The Study Committee of French-German relations. – 34 p.

Kimla D., Walsh J. (2017). Fortress Poland? Uncertainty remains as Strategic Defence Review Marks New Era for Weapons, Force Trade-Offs. – Kielce. – 7 p.

LUNA über Mali: Aufklärung aus der Luft.(2019) // BMVg. – 10.12. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/minusma-bundeswehr-un-einsatz-mali/luna-ueber-mali-aufklaerung-aus-der-luft-162852> (Date of access – 26.03.2020).

Major C., von Voss A. (2016). Nordic-Baltic Security, Germany and NATO // SWP Comments. – March, N 13. – 8 S.

Mattis thanked Norway for its readiness to deploy 700 US Marines [Mattis poblagodaryl Norvegiu za gotovnost` razmestit` u sebya 700 morpechov SShA].(2018) // TASS. – 14.07. – Mode of access:<https://tass.ru/mezhduna-rodnaya-panorama/5374440> (Date of access – 26.03.2020).

Mecklin J. (2016). NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since Cold War // The Guardian. – 7.06. – Mode of access: <https://thebulletin.org/2016/06/nato-countries-begin-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war/> (Date of access – 26.03.2019).

Norwegian Armed Forces in transition. Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. (2015). – Oslo: Ministry of Defence. – 24 p.

Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects – Overview. (2017) // Consilium.europs.eu. – 11.12. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/32079/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects. – Overview. (2018) // Consilium.europs.eu. – 19.11. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/39664/table-pesco-projects.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects. – Overview. (2019) // Consilium.europs.eu. – 12.11. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf> (Date of access – 26.03.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem schwedischen Ministerpräsidenten Stefan Löfven in Stockholm. (2017) // Bundeskanzleramt. – 31.01. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-schwedischen-ministerpraesidenten-stefan-loefven-844342> (Date of access 26.03.2020).

Sidorov A.S. (2019). Frechh-German military cooperation: «Window of Opportunities» or movement by inertia? [Franko-germanskoye voenno-politicheskoye sotrudnichestvo: «Okno vozmoghnostei» ili dvizheniye po inertsi?】 // Current Problems of Europe. – N 4. – P. 172-186.

Special Report: Exercise Trident Juncture 18. (2018) // US Navy. – 23.10. – Mode of access: <https://navylive.dodlive.mil/2018/10/23/special-report-exercise-trident-juncture-18/> (Date of access – 26.03.2020).

Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung. (2018) // BMVg. – 16.11.

Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen. (2018) // BMVg. – 12.11.

Verteidigungspolitische Richtlinien für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung. (2003). – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung. – 31 S.